

6.11. Соединение. Афипская

Ранним утром 16(29) марта Марков собрал подчинённых ему командиров. Стали подсчитывать потери, и были поражены. За весь предыдущий день, вобравший в себя трудный, совершённый в крайне неблагоприятных условиях переход и бой с многочисленным противником, Офицерский полк потерял 1-го убитым и 10 ранеными³⁴³. По сравнению с достигнутым результатом и потерями советских отрядов, оборонявших станцию, свои, безусловно, были минимальными. Удивительно, но почти не прибавилось в лазарете обмороженных и больных.

Ночью, ввиду крайней усталости людей, для ночлега занимались первые попавшиеся хаты. Подразделения неизбежно перемешались, и теперь группы добровольцев спешили найти свои роты. Но главная неожиданность заключалась в другом. Красногвардейцы в немалом числе так и не ушли к утру из станции и тоже искали своих³⁴⁴. На восточной окраине стали раз-

с частями Корнилова. Конница Филимонова и юнкера Покровского немедленно двинулись... но, застигнутые гололёдом, снова вернулись в Калужскую.

Зато войска Корнилова выполнили приказ своего командующего. Промокшие и обледенелые, они по шею в ледяной воде форсировали реки и с боями заняли Ново-Дмитриевскую».

«15 марта – Ледяной поход – слава Маркова и Офицерского полка, гордость Добровольческой армии и одно из наиболее ярких воспоминаний каждого первопоходника о минувших днях – не то были, не то сказки...» С этими словами Деникина трудно не согласиться.

³⁴³ В 1-й батарее также 1 доброволец был убит, и два-три ранены. Корниловский полк понёс большие потери: до 45 человек было убито и ранено. При этом по словам очевидцев в бою было убито до 1000 красногвардейцев, захвачено 8 орудий, снаряды и имущество брошеного госпиталя. Вероятно, людские потери большевиков были всё же меньшими. В ночном бою перемешавшиеся подразделения докладывали неизбежно преувеличенные данные, но, что в советских отрядах недосчитались наутро многих сотен бойцов не вызывает сомнения.

³⁴⁴ Имели место случаи, которые в другой обстановке могли показаться комичными. В хату, занимаемую командиром 3-й роты Офицерского полка полковником Кутеповым, вошёл с улицы солдат.

– Товарищи. Где 3-я рота? – поинтересовался он, как ни в чём не бывало.

– Здесь. Садись, – отвечал один из офицеров, принимая у вошедшего винтовку. И тут же добавил. – А тебе какую 3-ю роту нужно? Мы – Офицерский полк...

Солдата тут же вывели. За свою беспечность ему пришлось заплатить высокую цену.

даваться одиночные выстрелы. Пришлось выделять очередные взводы, которые к полудню очистили Новодмитриевскую окончательно.

К этому времени все роты были собраны своими командирами и разведены по вновь определённым районам квартирования. Весь день добровольцы отдыхали, в натопленных до возможного предела хатах люди приводили себя в порядок. Чистили оружие и штопали выстиранное обмундирование. Все разговоры сводились к произведённому накануне переходу и сопутствующим ему погодным условиям. Многие подобную перемену от оттепели к метели наблюдали впервые. Успех боя связывали неизменно с двумя именами – Корнилова и Маркова.

С утра команда 1-й батареи, мобилизовав у казаков воловь упряжки, проследовала к реке, выручать оставленное орудие³⁴⁵. Вода спала настолько, что проступил, наконец, над ней настил моста. Вновь пошёл снег. На берегу тут и там вмёрзли в грунт брошенные накануне повозки. Валялись в грязи перевёрнутые телеги, двуколки, санитарки и многочисленные трупы лошадей. Люди оказались покрепче.

Всю ночь под прикрытием Юнкерского батальона работала на переправе Техническая рота. Съезды к утру были оборудованы, most по возможности подремонтирован. Тыловые службы и выделенные от частей команды целый день свозили армейское имущество в станицу. Орудия оказались неповреждёнными и вскоре были доставлены в расположение батареи. Их сразу же очистили от грязи и привели в относительный порядок.

Подошёл от переправы Юнкерский батальон. Юнкера заняли отведённые для них хаты на окраине и спешили отогреться кипятком. Юность брала верх, даже сон не одолевал их сразу. И долго ещё обсуждали друг с другом всё то, что удалось увидеть и пережить.

Из окна Боровский увидел двуколку Алексеева, едва продвигавшуюся от переправы.

– Ну-ка, скажите детям, – приказал он. – Пусть помогут генералу Алексееву.

³⁴⁵ Орудие, переправленное накануне через реку, несмотря на усталость всё же привели в станицу той же ночью.

Надевая на ходу мокрое ещё обмундирование, выскочили на улицу юнкера. Сменяя друг друга, едва ли не на руках пронесли коляску генерала во двор, где его уже встречал Боровский. Едва выпив стакан горячего чая и обогревшись, Алексеев отбыл. Ему уже приготовили квартиру. Ближе к вечеру к нему зашёл Марков.

Генералу Алексееву было 60 лет. Но болезнь подтачивала организм, и это давно уже замечали все. Добровольцы, в большинстве, относились к генералу с неизменным уважением. Вот и Марков считал своим долгом на каждой стоянке при первой возможности зайти к старому генералу и поделиться впечатлениями. Эти беседы, казалось, вливали в Алексеева новые силы. Что касается Корнилова, то и он, судя по всему, был благодарен Маркову за это участие. У современников создавалось впечатление, что Командующий и сам тяготился *иногда* натянутостью их отношений. Но простить Алексееву слабость, проявленную во время выступления в августе 17-го, забыть всё и переступить через себя Корнилов не мог.

Оставался верным он себе и в другом. На станичной площади были повешены семь выявленных среди пленных комиссаров и комитетчиков. От методов «наведения порядка», нашедших в своё время применение на Юго-Западном фронте, Корнилов также отказываться не собирался. Насколько эти методы оказывались эффективными на Кубани, однозначно ответить невозможно. Какой отклик находили среди, как казачьего, так и иногороднего населения, деморализовали красногвардейцев, или, наоборот, сплотили их, ожесточив сердца, неизвестно...

17(30) марта Армия оставалась в Новодмитриевской. Во второй половине дня, ближе к вечеру в станицу прибыла делегация от Кубанцев³⁴⁶. На расширенном совещании присутствовали:

- от Добровольческой армии генералы Л.Г. Корнилов, М.В. Алексеев, А.И. Деникин, И.Г. Эрдели, И.П. Романовский;
- от Краевого правительства его председатель Л.Л. Быч, председатель Рады Н.С. Рябовол, товарищ председателя Султан

³⁴⁶ В этот день прибыл в станицу и обоз. Раненые добровольцы в первый раз с тех пор, как покинули аул Шенджий, были размещены в нормальных условиях, в выделенных натопленных хатах Новодмитриевской.

Шахим-Гирей, атаман Кубанского войска полковник А.П. Филимонов, генералы В.Л. Покровский и И.Е. Гулыга³⁴⁷.

Вопрос на совещании рассматривался один – соединение двух противобольшевистских группировок. Переговоры вновь складывались весьма непросто, и сразу же зашли в тупик.

«Начались томительно долгие нудные разговоры, – пишет Деникин, – в которых одна сторона вынуждена была доказывать элементарные основы военной организации, другая в противовес выдвигала такие аргументы, как «конституция суверенной Кубани», необходимость «автономной армии», как опоры правительства и т. д. Они не договаривали ещё одного своего мотива – страха перед личностью Корнилова: как бы вместе с Кубанским отрядом он не поглотил и их призрачную власть, за которую они так цепко держались. Этот страх сквозил в каждом слове. На нас после суровой, жестокой и простой обстановки похода и боя от этого совещания вновь повеяло чем-то старым, уже, казалось, похороненным, напомнившим лето 1917 года – с бесконечными дебатами революционной демократии, доканчивавшей разложение армии. Зиму в Новочеркасске и Ростове – с разговорами донского правительства, дум и советов, подготовлявшими вступление на Дон красных войск Сиверса... А за стеною жизнь, настоящая жизнь уже напоминала о себе громким треском рвавшихся на площади и возле дома гранат...»

И действительно, в разгар дебатов снаряды начали рваться среди станицы. Сойдя с колокольни, импровизированного наблюдательного пункта, поручик Гернберг доложил Корнилову, что с юга наступают отряды противника, которые и повели артиллерийский обстрел. Корнилов вызвал Маркова и сказал коротко:

– Сергей Леонидович, распорядитесь...

Активность большевиков на этом направлении объясня-

³⁴⁷ Гулыга присутствовал на совещании с правом совещательного голоса. Он покинул Екатеринодар во время эвакуации, намереваясь в одиночку пробираться в Ейский отдел, случайно наткнулся на добровольцев и пошёл вместе с ними. По словам Филимонова Гулыга весьма нелестно отзывался о Кубанском правительстве, что, отчасти, и обусловило натянутость первых переговоров с Покровским.

лась, как ни странно, отсутствием устойчивой связи с Екатеринодаром и из рук вон плохо поставленной разведкой. По словам И.Л. Хижняка, командиры отрядов получили приказ отбить Новодмитриевскую³⁴⁸, но даже не догадывались о том, что имеют дело уже с Добровольческой армией. Не исключено, впрочем, что действовали они по собственной инициативе, не имея никакого приказа. Иерархия военного командования только лишь выстраивалась. Многие не знали даже и того, что Автономов был утверждён главкомом Юго-Восточной армии. Зато каждый командир крупного отряда, превосходившего иногда числом всю Добровольческую армию, называл себя «командующим», заводил канцелярию и сам начинал рассылать категоричные приказы всем, с кем соприкасался.

К тому же последние столкновения с Кубанцами, неизменно удачные для большевиков, вселили в них уверенность, что и из Новодмитриевской³⁴⁹ последние отойдут при малейшем нажиме.

Так или иначе, но цепи красногвардейцев, развернувшись, атаковали станицу одновременно с двух направлений – от Георгиевской и от Георгие-Афипской. На северную окраину вышел Партизанский полк, но сражаться ему не пришлось. Местность была открытая, и малочисленный противник был отогнан едва ли не одним лишь огнём 1-й батареи. Миончинский установил орудия на закрытой позиции в станице, а сам забрался на крышу, откуда и управлял по телефону огнём. Находившемуся рядом Богаевскому он напоминал знающего свою партитуру дирижёра. Едва взвод красногвардейцев выходил из-за бугра, тут же один-два разрыва заставляли его в спешке подаваться назад. Это повторялось раз за разом. В конце концов большевики, так и не рискнув атаковать всей массой, отступили.

Бой же на южной окраине станицы отличался куда большим ожесточением. Здесь красногвардейцев было много, и атаковали они умело и настойчиво. В какой-то момент даже ворвались

³⁴⁸ Не исключено, впрочем, что попытки отбить Новодмитриевскую, были связаны с подходом свежей крупной части, так называемого «2-го революционного Северо-Кавказского полка» Д.П. Жлобы.

³⁴⁹ К тому же, в силу своего географического положения, станица, как база для проведения дальнейших операций, была пунктом идеальным.

в станицу, но на улицах были встречены и смяты «корниловцами», и к 23 часам отошли, заняв близлежащие хутора.

Офицерский полк был поднят по тревоге, но вступить в бой не успел. Выяснилось вдруг, что высушенные у докрасна раскалённых печей сапоги ссохлись и уменьшились в размерах настолько, что натянуть их спешно было весьма затруднительно.

Бой ли, достигший близлежащих улиц, или возобладавший здравый смысл³⁵⁰ заставили представителей Краевого правительства пойти на существенные уступки, но едва Корнилов заявил, что «автономными армиями» командовать не станет³⁵¹, Кубанцы согласились, наконец, влить свой отряд в Добровольческую армию на условиях полного подчинения её Командующему. Правда, тут же Быч пояснил, что в этом случае Правительство устраняется и слагает с себя всякую ответственность за последствия. Эти слова окончательно вывели Корнилова из себя. Однако он сдержался и сказал лишь:

– Ну, нет! Вы не смеете уклоняться! Вы обязаны работать и помогать всеми средствами командующему армией.

Кубанцы, испросив разрешения, уединились в соседней комнате для последних консультаций. Затем соглашение было подписано в окончательной редакции:

«1. Ввиду прибытия Добровольческой армии в Кубанскую область и осуществления ею тех же задач, которые поставлены Кубанскому правительственному отряду, для объединения

³⁵⁰ По словам Деникина от частей Кубанского отряда «с оказией» было прислано сообщение, что они подчиняются только Корнилову, и если Краевое правительство на соглашение не пойдёт, отряд волеётся в Добровольческую армию самовольно. Именно на это и намекал ранее Покровскому Алексеев.

³⁵¹ – О каком главном командовании можно здесь говорить? – возмущался генерал. – В обоих отрядах не наберётся людей, чтобы составить два полных полка военного времени. По соединении отрядов у нас будет лишь одна бригада, а вы хотите из неё сделать две армии, а меня назначить главнокомандующим!

Своё отношение к тому, что Кубанский отряд не поддержал Добровольческую армию при взятии ею Новодмитриевской, Корнилов выразил одной лишь фразой:

– Я не хочу, – сказал он, – чтобы «командующие армиями» угощали меня подобными сюрпризами...

На этом тема была закрыта.

всех сил и средств признаётся необходимым переход Кубанского правительственного отряда в полное подчинение генералу Корнилову, которому предоставляется право реорганизовать отряд, как это будет признано необходимым.

2. Законодательная рада, войсковое правительство и войсковой атаман продолжают свою деятельность, всемерно содействуя военным мероприятиям Командующего армией.

3. Командующий войсками Кубанского края с его начальником штаба отзываются в состав правительства для дальнейшего формирования Кубанской армии³⁵²».

Документ подписали: генералы Корнилов, Алексеев, Деникин, Эрдели, Романовский, полковник Филимонов, Быч, Рябовол, Султан-Шахим-Гирей.

18(31) марта советские войска вновь с трёх направлений, от Григорьевской, Смоленской и от Георгие-Афипской, атаковали Новодмитриевскую. Вновь на отдельных участках вышли к окраинам станицы, но на большее красногвардейцев не хватило. Они были отброшены и, отказавшись от дальнейших наступательных действий, отошли к Афипской. Непосредственный участник описываемых событий И.Л. Хижняк утверждает, что отход советских отрядов был осуществлён по прямому приказу главкома Автономава. Но даже если это и так, главная причина беспорядочного и поспешного отступления большевиков представляется иной. Командиры, наконец, получили достоверные сведения о том, с кем они вошли в соприкосновение, и поспешили выйти из боя.

Так или иначе, но добровольцев в Новодмитриевской оста-

³⁵²Третий пункт был вписан в соглашение по настоянию Кубанцев, якобы, для морального удовлетворения остающегося не у дел Покровского. Понятно, что отношения между командованием Добровольческой армии и Краевым правительством оставались несколько натянутыми.

«В этом союзе не было взаимного доверия и искренности, – весьма категорично пишет Богаевский. – Только суровая необходимость заставила обе стороны сойтись, и в то время, когда Корнилов с прямолинейностью солдата мало считался с представителями Кубанской власти, держа их во время дальнейшего похода в чёрном теле, последние с трудом переносили такое отношение, видя в нём унижение не только своего достоинства, но и Кубани».

вили в покое³⁵³. Подходили постепенно части Кубанского отряда³⁵⁴. Корнилов поспешил реорганизовать Армию. Боевая часть её доходила теперь до 6000 штыков и сабель при 16 орудиях и 50 пулемётах (с ранеными, тыловыми службами и гражданскими – до 9000 человек), и после расформирования некоторых частей получила следующую организацию:

1-я пехотная бригада (командир генерал С.Л. Марков, начальник штаба полковник Н.С. Тимановский, штаб из трёх офицеров связи и при нём команда конных черкесов). В её составе:

– **Офицерский полк** (командир генерал А.А. Боровский, заместитель полковник А.П. Кутепов, штаб – до 10 чинов) в составе двух батальонов (командиры полковник Дорошевич и полковник Назимов, адъютант полка поручик Дончиков³⁵⁵). В полку до 800 штыков при 12 пулемётах.

В полк влился двумя ротами, 5-й и 6-й, Юнкерский батальон (до 200 штыков).

– **1-й Кубанский стрелковый полк** (командир полковник В.М. Туненберг) из Кубанского отряда – до 700 штыков при 4 пулемётах.

³⁵³ Как часто бывает в подобных случаях, люди, втянувшиеся в бесконечные бои и труднейшие переходы, получив отдых, начинали им тяготиться. Добровольцы на постое не знали, чем себя занять. К тому же им было выдано жалованье, по 250 руб. каждому. К несчастью, мелкой, по 15-20 коп. монетой. Тут и там находились желающие поставить её на кон. В одну из хат во время игры зашёл генерал Марков. Увидев на столе горку серебряных монет, он сгрёб их, передал одному из офицеров и приказал отнести генералу Алексееву. Никаких нравоучений высказано не было, Марков лишь пояснил сухо: «Так как вы не нашли для денег лучшего применения».

Тоже повторилось и в других местах. Там же, где генерал, войдя, игру не заставал, он задерживался и с удовольствием беседовал с офицерами, поддерживая в них уверенность в конечной победе.

Этих нескольких обходов оказалось достаточно, чтобы о «железке» забыли. Лишь «картёжники» были раздосадованы. Но не тем, что лишились развлечения, а упущенной возможностью поговорить со своим командиром. Впрочем, отдых скоро закончился, и Армия вновь была двинута в бой.

³⁵⁴ В отряде насчитывалось до 2500 штыков, 800 сабель, 8 орудий, 24 пулемёта, одна радиостанция. С ранеными, гражданскими лицами и обозом – 4000 человек.

³⁵⁵ Бывший адъютант Юнкерского батальона.

– **1-я инженерная рота** переименована из Технической роты (командир полковник Н.Д. Банин).

– **1-я Отдельная батарея** (командир подполковник Д.Т. Миончинский) сформирована из 1-й и 4-й батарей³⁵⁶. При этом командир 4-й батареи полковник А.Н. Третьяков и поручик Шидловский перешли в штаб 1-й бригады. Третьяков в штабе координировал действия артиллерии.

Пеший взвод по необходимости изымался из состава батареи для поддержки пехотных частей. Часть чинов была передана во вновь образованные батареи. Некоторые влились в Офицерский полк и дальнейшую службу проходили в качестве пехотинцев.

2-я пехотная бригада (командир генерал А.П. Богаевский). В её составе:

– **Корниловский ударный полк**. После того, как в состав 3-й офицерской роты были влиты до 150 юнкеров Константиновского военного училища, полк, понёсший в предыдущих боях весьма чувствительные потери, насчитывал до 1000 штыков.

– **Партизанский полк** (командир генерал Б.И. Казанович³⁵⁷) двухбатальонного состава (в партизанский полк был влит один из батальонов 1-го Кубанского стрелкового полка, составивший 2-й батальон) – до 800 штыков.

– **Пластунский батальон** (из Кубанского отряда, командир – С.Г. Улагай).

³⁵⁶ Отдельные источники о слиянии батарей в Новодмитриевской не упоминают. Согласно их данным после расформирования Артиллерийского дивизиона (о существовании которого давно уже мало кто вспоминал), в состав 1-й пехотной бригады вошли самостоятельными боевыми единицами 1-я и 4-я батареи, в состав 2-й пехотной бригады – 2-я, 3-я и 5-я.

³⁵⁷ Едва Казанович принял полк, в котором воевал с первых дней похода рядовым, у него тут же случился конфликт с есаулом Лазаревым, проявившим по отношению к новому командиру неуважение. Казанович хотел предать есаула суду, но за Лазарева вступился Богаевский, отстранивший его от командования 2-й сотней и зачисливший в личный конвой.

– **2-я инженерная рота** из Кубанского отряда.

– **2-я Отдельная батарея** (командир полковник Л.М. Ерогин) сформирована из 2-й 3-й и 5-й батарей (из Кубанского отряда).

Конная бригада (командир генерал И.Г. Эрдели). В её составе:

– **1-й Конный полк** (до 700 сабель) был сведён из сохранивших первоначально самостоятельность дивизионов Глазенапа и Гершельмана после боя у Георгие-Афипской. Также в состав полка вошли все мелкие конные подразделения, как Добровольческой армии, так и Кубанского отряда. Командир полка полковник Глазенап.

– **Кубанский (казачий) конный дивизион**³⁵⁸.

– **Черкесский конный полк** (из Кубанского отряда) – 4-х сотенного состава.

– **Конная 2-х орудийная батарея** (из Кубанского отряда).

Отдельными самостоятельными единицами в Армии оставались:

– **Чехословацкий батальон**.

– **Кубанская конная батарея** (командир есаул Крамаров).

– Охранная рота штаба.

– Конвой главнокомандующего.

Обоз после объединения почти удвоился. В **армейском походном лазарете** находились до 700 раненых.

³⁵⁸ Позднее в дивизион были влиты мобилизованные казаки станиц Марьинской и Елизаветинской, и он был развёрнут в полк численностью до 500 сабель.

Вопрос о том, что делать дальше, перед Корниловым, по сути, не стоял. Выполнив одну часть поставленной задачи, он не отказывался и от второй – взятия Екатеринодара. Нельзя сказать, что в ближайшем его окружении не было сомневающихся. Но не возражал никто. С одной стороны, Армия с самого оставления Ростова, в любых условиях и при самом неблагоприятном соотношении сил в конечном счёте неизменно добивалась того, на что нацеливал её Командующий. Что психологически оставляло надежду на успех и в дальнейшем. С другой – вариантов оставалось только два, либо занять столицу Кубани, получить базу и развернуть дальнейшую борьбу на качественно совершенно ином уровне, либо уйти в горы и рассеяться. После всего пережитого, после стольких переходов и побед отступить было казалось, достижимой уже мечты было невозможно.

Так рассуждала вся Армия, о том же думал и Корнилов. Весь этот период реорганизации и связанного с ней вынужденного бездействия он размышлял не о стратегической цели, а исключительно о тактике её достижения. В итоге был разработан план последовательных мероприятий, согласно которому предстояло:

- в целях обеспечения тыла и будущих переправ, а также и для пополнения боезапаса, очистить от большевиков весь левый берег Кубани южнее Екатеринодара;
- выдвинуться левее и внезапным ударом захватить паромную переправу, находившуюся у станицы Елизаветинской³⁵⁹ в 15-18 километрах от города;
- переправить Армию через Кубань и атаковать Екатеринодар.

Во исполнение этого плана 22 марта (4 апреля) Богаевский получил приказ силами своей бригады выдвинуться от Новодмитриевской к югу и очистить от противника близлежащие станицы. В 22 часа Корниловский полк, вытянувшись в колонну, стал продвигаться на Григорьевскую. До станицы было не более 12 километров, но дорога вновь оставляла желать лучшего. Шли по залитой водой грязи.

³⁵⁹ Ныне входит в состав Прикубанского внутригородского округа Муниципального образования город Краснодар. Центр Елизаветинского сельского округа.

В темноте следовавший в авангарде 1-й офицерский батальон вышел к станице и уткнулся в окопы противника. Добровольцы, рассыпавшись цепью, залегли за полосой пожухлой нескошенной травы, которая прикрывала их от огня не хуже подготовленной позиции. Всё же красногвардейцы стреляли с дистанции не свыше 20 шагов, и неизбежно там и тут появлялись и раненые и убитые.

В цепь 3-й роты прибыл Неженцев. Подсвечивая себе электрическим фонарём, определил по карте расположение полка и направление атаки. С рассветом «корниловцы» устремились вперёд, несмотря на сильный огонь, ворвались в окопы и в станицу. Солдаты тут же отошли. К 4 часам 23 марта (5 апреля) Григорьевская была занята уже без серьёзного сопротивления. Однако ночная атака обошлась «корниловцам» недёшево. Было убито и ранено до 60 человек³⁶⁰.

После короткого отдыха Партизанский полк выступил к станице Смоленской, до которой было 3 километра. Корниловский – оставался в резерве. Днём в Григорьевскую приезжал Корнилов, благодарил полк за смелую атаку. Между тем Казанович в Смоленской встретил серьёзное сопротивление. Красногвардейцы отрыли окопы на возвышенном берегу и встречали «партизан» плотным прицельным огнём. Всё же к вечеру станица ценою новых неизбежных потерь была взята.

В ночь на 24 марта (6 апреля) Корнилов отдал приказ атаковать Георгие-Афипскую. На станицу по сходящимся направлениям с разных сторон должны были наступать обе пехот-

³⁶⁰ Окопы противника были обнаружены слишком поздно, и подошли к ним слишком близко. Поэтому действенный огонь накрывал не только, и не столько, линию, но и тыл. Один из раненых офицеров был вторично ранен на перевязочном пункте в непосредственной близости от Богаевского. Не успела сестра закончить перевязку, как следующая пуля сразила его наповал. Тут же был ранен адъютант генерала корнет Жеребков. Погиб при атаке командир 5-й роты капитан Томашевский. Командир 2-й роты капитан М.М. Миневрин получил серьёзное ранение. Два офицера, пытавшиеся ему помочь были тяжело ранены и вскоре скончались в лазарете.

Наибольшие потери понесла 3-я рота, в которую накануне были влиты юнкера.

ные бригады³⁶¹. На рассвете 2-я бригада Богаевского стала выдвигаться от Смоленской к северу. Дорога проходила по открытой местности параллельно текущей в непосредственной от неё близости реке. Неожиданно колонна была обстреляна на марше.

Позже выяснилось, что свежий советский отряд продвигался от Северской к Смоленской. Красногвардейцы наткнулись на растянувшиеся части 2-й бригады и открыли огонь. Бригада сразу же была поставлена в невыгодное положение. За спиной протекала параллельно дороге река. Выйти из-под обстрела и даже рассеяться было невозможно. Всё же Партизанский полк,

³⁶¹ Были приняты меры, направленные на то, чтобы обезопасить Армию от возможного подхода свежих сил противника. Конные дивизионы Гершельмана и Глазенапа получили приказ выдвинуться к железной дороге и подорвать мосты, соответственно, у станции Энем и к западу от Афипской.

Дивизион Глазенапа, не встретив противника, вышел к железной дороге. Был обнаружен и мост, переброшенный через одну из многочисленных речек. Однако вскоре выяснилось, что он охраняется значительными силами. Прорваться к мосту было невозможно. Глазенап, выставив заслон, отошёл, и подрыльники быстро произвели на удалении друг от друга несколько взрывов. Когда к разрушенному полотну подошёл от Афипской советский бронепоезд, он не смог продвинуться, и вынужден был вернуться обратно. Дивизион же присоединился к подходившей уже к станции бригаде Богаевского, обеспечивая её левый фланг.

Гершельман нарвался на красногвардейцев, едва подойдя к железнодорожному полотну. И не придумал ничего лучшего, как силами своего дивизиона в пару сотен сабель взять Энем. Попытка эта, конечно же, провалилась. Более того, не успел ещё Гершельман доложить Маркову о своей неудаче и предостеречь, как советский бронепоезд, отогнавший его дивизион от полотна, продвинулся от Энема к Афипской и присоединился к уже стоявшему на станции.

После боя взвинченный до предела Корнилов посчитал виновником всех бед этого дня Гершельмана, которому припомнил и Выселки. Он даже хотел предать полковника суду, но ограничился очередным отрешением от должности. Дивизион Гершельмана был присоединён к дивизиону Глазенапа. Вместе они и составили вновь сформированный 1-й Конный полк.

«Нельзя не упомянуть, – пишет Александров, – что Гершельман принадлежал к числу, так называемых, «несчастливых» начальников. Ему фатально не везло. Но это был честный и храбрый офицер, окончивший своё земное поприще в бою. Он был убит весной 1919 года под с. Аскания-Нова, Таврической губернии, в должности командира кавалерийского полка...»

Глазенапу же «за неизменную его твёрдость, доблесть и мужество» весьма скупой на похвалу Корнилов объявил в тот же день благодарность в приказе.

поддержанный артиллерией, развернулся в цепь, атаковал и отогнал противника. Продолжив движение, головные подразделения захватили на одном из хуторов заставу из полувзвода матросов. Все они тут же были расстреляны. После этого, уже не вступая в соприкосновение с противником, 2-я бригада продвинулась вплоть до западной окраины Афипской.

1-я пехотная бригада была поднята по тревоге ещё ночью, и уже в 3 часа Офицерский полк прибыл на сборный пункт, где вынужден был ожидать подхода остальных частей. Задержка объяснялась тем, что генерал Марков устроил смотр 1-му Кубанскому полку, который выстроенным в полном составе видел впервые. Марков представился и выступил с напутственной речью, в которой также пояснил задачу, поставленную бригаде Корниловым. Всё это заняло много больше часа, что вскоре повлекло за собой самые негативные последствия.

Наконец бригада стала выстраиваться в колонну. В авангарде шёл Офицерский полк, за ним – 1-я батарея, Кубанский полк, боевой обоз и 1-я инженерная рота, которую по привычке все продолжали называть Технической. Погодные условия оставляли желать лучшего. Мороза уже не было, но дороги развезло. Тут и там на пути попадались лужи, больше похожие на небольшие болотца, обойти которые было невозможно. Пересечённый характер местности, обилие речушек с непригодными для движения тысяч людей и артиллерии слабыми мостками также не способствовали быстрому продвижению. В результате 1-я бригада подошла к станице, когда уже светало. О внезапном нападении не могло быть и речи. До станции оставалось ещё километра два, но в предрассветной дымке ясно различались станционные строения, эшелоны на путях и два блиндированных поезда³⁶². Настораживало добровольцев то, что по ним пока не стреляли. Явно подпускали поближе, в зону действительного огня³⁶³. 1-й Кубанский полк, развернувшись, повёл наступление прямо на станцию, Офицерский взял правее. 5-я и 6-я его роты оставались в резерве.

³⁶² Один из них оказался бронелетучкой, вооружённой пулемётами.

³⁶³ На этой версии, объясняющей причину некоторой задержки с открытием огня, настаивает Павлов.

На левый фланг полка в сопровождении «текинцев» и с неизменным трёхцветным знаменем, развевающимся на ветру, подъехал Корнилов. Там же находился и Марков. Едва полки продвинулись вперёд на километр, бронепоезда выехали со станции и открыли пулемётный огонь. Местность была открытая. От обстрела спасла протянувшаяся чуть впереди дамба, за которой укрылись добровольческие цепи. Туда же перешёл и Корнилов со штабом. Всё же без потерь не обошлось. Был легко ранен в ногу и начальник штаба Армии генерал Романовский³⁶⁴.

4-й, правофланговой роте был отдан приказ выдвинуться к железной дороге, перерезать её и создать угрозу охвата левого фланга противника. Рота пошла вперёд, но, продвинувшись по сплошному кустарнику, обнаружила перед собой сплошной фронт противника. Обойти левый его фланг столь незначительными силами было невозможно. К тому же от Екатеринодара подошёл эшелон в несколько вагонов, набитых солдатами. Рота остановилась и залегла. К ней на помощь выдвигались 5-я и 6-я роты.

Марков, ещё надеявшийся переломить ход боя, приказал Миончинскому открыть огонь по бронепоездам, а сам поднял в атаку весь полк. Цепи поднялись, начали продвигаться, и вновь противник не стрелял. Орудия первой батареи стали на позицию, и первые гранаты разорвались у насыпи железной дороги. Тут же большевики ответили ураганным огнём, который, по словам

³⁶⁴ Деникин этот эпизод трактует несколько иначе. «Неожиданным нападением не вышло, – пишет он. – Выступление почему-то сильно замешкалось и, когда голова колонны была в расстоянии менее версты от станицы, как-то сразу рассвело. Большевики увидели перед собою на ровном открытом поле не успевшую развернуться компактную массу пехоты, артиллерии, конных и, после минутного замешательства, открыли по ней убийственный огонь, в котором принял участие и показавшийся за поворотом бронированный поезд. Корнилов со штабом в это время обгонял колонну и едва успел отъехать в сторону. Ружейной пулей ранило в ногу навывлет генерала Романовского, который, однако, остался с Корниловым. По всему полю заметались люди, орудия... По счастью, впереди по заливному лугам проходила высокая насыпь железной дороги, и Марков успел развернуть и скрыть за ней свои части.

В таком положении колонне Маркова пришлось простоять несколько часов. Впереди – окраина станицы, опоясанная протекавшей в совершенно отвесных берегах речкой Шелш с единственным через нее мостом.

Наступление замерло...»

очевидцев, со стороны противника едва ли не был сильнейшим за весь поход. Стреляли от окопов на восточной окраине станицы. Стреляли от станции. Уходя от разрывов, непрерывно маневрируя, стреляли бронепоезда.

С дистанции не свыше 600 метров артиллерия противника перешла на стрельбу картечью и заставила добровольцев залечь и даже местами начать окапываться. Наступать в лоб на бронепоезда на открытой местности было невозможно, а потери росли. Залёг у станции и 1-й Кубанский полк. К 16 часам атака, казалось, окончательно захлебнулась. Так, во всяком случае, посчитал Корнилов, чрезвычайно недовольный происходящим.

– Сергей Леонидович! – раздражённо высказал он Маркову. – Я просил вас о ночном налёте, а вы закатали мне дневной бой!

Это было не просто замечание, а устный выговор. Уверившись, что на этом участке боя уже не переломить, Командующий покинул бригаду и поскакал к Богаевскому. Раздосадованный выволочкой, полученной, надо признать, по делу, Марков тем не менее и не думал отступаться. Он решил попытать счастья на левом фланге своей бригады. Генерал приказал Миончинскому сосредоточить весь огонь по станции и отогнать стоявший там бронепоезд. При этом потребовал, чтобы ни одна граната не угодила в станционные постройки, в которых предположительно был устроен склад снарядов. Два орудия батареи дали залп. Первая граната разорвалась едва ли не под колёсами бронепоезда. Второго разрыва наблюдатели не увидели. Но одно из зданий возле станции словно взорвалось изнутри.

– Эх! – вскричал Марков. – Куда же ты стрелял? Я же предупреждал...

В.С. Гершельман

Впрочем, горячился он на этот раз недолго. Обстановка в полосе наступления 1-й бригады счастливым образом переменялась. «Этот невольный взрыв столь нужных для армии снарядов, – пишет Павлов, – однако, имел то *немедленное* следствие, что красные, сидевшие до сего времени цепко и уверенно на своих позициях, вдруг вскочили и бросились бежать через железнодорожную насыпь...»

Огонь защитников Афипской если и не прекратился сразу и на всех участках, то ослабел настолько, что цепи 1-й бригады тут же поднялись и устремились вперёд. Три роты Офицерского полка взошли на насыпь правее станции и противника перед собой уже не обнаружили. Солдаты толпами отходили вдоль полотна к Энему. Один из бронепоездов успел проскочить на Екатеринодар. Второй, вооружённый пулемётами, был захвачен.

К этому времени к железной дороге в двух километрах северо-восточнее станции уже выходили 5-я и 6-я роты «марковцев». Уступом влево продвигалась и 4-я. Едва бронепоезд поравнялся с цепью 5-й роты, юнкера с дистанции 200-300 шагов открыли по нему ружейный огонь. Паровоз тут же был повреждён³⁶⁵. Из котла вырвалось облако пара, бронепоезд остановился. Часть экипажа, состоявшего целиком из матросов, сразу же покинула его. Остальные, не пожелавшие отойти, легли на месте.

Когда колонна 1-й бригады, перейдя речку по оставленному мосту, входила в станицу, уже начинало темнеть. Вся станица оказалась забитой занявшей её Армией. На телегах в отведённые под перевязочные пункты дома свозили многочисленных раненых. Уже ночью после двух часов отдыха Марков поднял батальон Кубанцев и роту Офицерского полка. Батальон, оседлав железную дорогу, стал заслоном против Энема. Офицерская рота взяла влево и дошла до берега Кубани, где и оставалась всю ночь.

Часто бывает, что различные, даже симпатизирующие друг другу источники, стараются подчеркнуть, что именно на их участке решилась судьба того или иного боестолкновения, и именно их части внесли наибольший вклад в общую победу. При этом одни факты возводятся во главу угла, другие пред-

³⁶⁵ Позже выяснилось, что бронебойной пулей был пробит сухопарный колпак котла.

ставляются малозначимыми и второстепенными. И хотя такая субъективная оценка понятна и объяснима, она далеко не всегда совпадает с реальностью.

Утверждение Павлова о том, что взрыв снарядов в одной из станционных построек развалил *сразу же*³⁶⁶ всю оборону большевиков под Афипской, не выдерживает никакой критики. Взрыв был локальным, он практически не вышел за стены здания. К тому же из-за непрекращающейся канонады его могли наблюдать и поддаться панике лишь подразделения, находившиеся в непосредственной близости. Волна же отступления охватила *одновременно всех*. То же может быть отнесено и к бронепоездам. Оба они находились за пределами станции, и оба как по команде вышли из боя и устремились к Екатеринодару.

Лишь вскользь упоминает Павлов о действиях 2-й бригады, но вернее всего, именно её обходное движение и привело к успеху. Выдвинувшийся при отражении атаки противника левее Партизанский полк так и продолжал следовать на левом фланге походной заставой. Позже его сменил присоединившийся к колонне дивизион Глазенапа.

Не встречая противодействия, колонна пересекла железнодорожные пути и развернулась в боевой порядок. На левом фланге непосредственно на западную окраину станицы наступал Партизанский полк. На правом – продвигался к станции Корниловский. Артиллерия стала на позиции и поддержала, насколько позволял запас снарядов, свою пехоту. С этой стороны добровольцев не ожидали. Оборудованной оборонительной позиции здесь подготовлено не было и сопротивление большевиков носило случайный характер. Бронелетучка, отойдя на всякий случай за станцию, перенесла свой огонь, пытаясь остановить «корниловцев». Расчёты двух-трёх орудий, сориенти-

³⁶⁶ Любопытно, что Богаевский настаивает на том, что взрыв, но не здания, а вагона со снарядами, был спровоцирован артиллерийским огнём его бригады. Левитов же, вторя Критскому, утверждает, что боеприпасы, подожгли перед отходом сами красногвардейцы. И учитывая тот факт, что, заняв станцию, «корниловцы» сбили огонь и большую часть снарядов для Армии спасли, его предположение следует признать вполне обоснованным. Впрочем, не исключено, они говорят о разных, почти совпавших по времени, событиях, и всё описываемое действительно имело место.

ровавшись в обстановке, успели развернуть свои пушки и дать несколько выстрелов.

Всего этого было явно недостаточно. Командир 3-го батальона Корниловского полка полковник В.И. Индейкин выдвинул свои пулемёты на фланг и открыл такой плотный огонь, что красногвардейцы вынуждены были отходить. На их плечах ворвались на станцию добровольцы. К этому времени занял окраину Афипской и Партизанский полк. Дальнейшее его продвижение означало выход на тылы всей оборонительной позиции большевиков. Угроза быть отрезанными от Энема предопределило всё последующее. Спротивление прекратилось. Организованный отход превратился в беспорядочное бегство.

Неудивительно, что на станции «корниловцам» удалось спасти от огня до 700 артиллерийских снарядов. Все они позже были распределены между батареями³⁶⁷. За захваченные боеприпасы пришлось заплатить высокую цену. Один лишь Офицерский полк потерял убитыми и ранеными до 150 человек. Корниловский – около 50.

Едва станица была занята, Богаевский выстроил 2-ю бригаду на станционной площади. Приехал Корнилов и благодарил части за проявленную доблесть. Когда дошла очередь до Партизанского полка, его командир генерал Казанович на правах давнего знакомого Командующего возразил: «Никак нет, Ваше Высокопревосходительство. Всем успехом мы обязаны Михаилу Осиповичу³⁶⁸ и его полку». Настроение добровольцев было восторженным. Люди начинали верить, что победа, казавшаяся придуманным ими самими миражом, начитает приобретать реальные очертания.

Масштабному бою под Афипской современники не уделили достаточного внимания³⁶⁹. Это тоже объяснимо. Последу-

³⁶⁷ 1-я батарея, пополнив передки своих орудий, создала также и неприкосновенный запас – 100 снарядов, перевозимых на трёх телегах.

³⁶⁸ Неженцеву.

³⁶⁹ Любопытно, что и советские источники лишь вскользь упоминают об обороне станицы. Так, по словам И.Л. Хижняка Афипская была сдана по приказу Автономова едва ли не без боя, и «в спешке мы не могли угнать вагон с боеприпасами в Екатеринодар».

ющий без какой-либо оперативной паузы штурм Екатеринодара затмил собой всё остальное. Между тем, в станицу отошла большая часть советских отрядов, прибывших из западных отделов Кубани и Черноморья. Обороняли её, и поначалу весьма упорно и успешно, до 5000 красногвардейцев при двух бронепоездах, большом количестве артиллерии и десятках пулемётов. К тому же из Екатеринодара прибыло в эшелоне подкрепление.

Всё вышеизложенное заставляет прийти к следующему выводу. Афипскую никто и не думал оставлять без боя. Напротив, чем ближе к Екатеринодару подходили добровольцы, тем с большим сопротивлением они сталкивались. Ключевым фактором оказалось фланговое движение 2-й бригады. Опыт предшествующих боёв говорил о том, что если уж Армия частью сил выходила во фланг и тыл противника, это оборачивалось его немедленным разгромом. То же с высокой степенью вероятности могло повториться и здесь. Именно поэтому, едва манёвр удался Богаевскому, командиры советских отрядов, оборонявших Афипскую, поспешили свернуть оборону и вывести свои части из-под удара³⁷⁰.

Заявленная Корниловым цель пополнить в Афипской боезапас также, по всей видимости, трактовалась несколько шире – вдобавок к этому потрепать группировку войск противника на левобережье, чтобы хоть в какой-то степени обезопасить будущую переправу.

Так или иначе, но станица была занята. Кратчайший путь к Екатеринодару преграждали теперь лишь Энем и Кубань, протекавшая непосредственно у городских окраин. Там уже лихорадочно укреплялись стянутые со всех сторон советские отряды.

³⁷⁰ Но не стоит забывать и о другом. Охват, блестяще произведённый Богаевским, не мог быть осуществлён без фронтальной, пусть и неудачной атаки Маркова. Именно потому, что 1-я бригада стянула на себя все силы и весь огонь большевиков, 2-я смогла беспрепятственно осуществить обходной манёвр, решивший исход боя. Как и всегда в походе свой вклад в победу внесли в той или иной степени все части Добровольческой армии. И выявлять, чей – весомее, в данном конкретном случае, бессмысленно.